

— Ладно, хватит шуметь. Вы несколько человек пойдете со мной искать, но, выйдя за пределы деревни, не смейте кричать по любому пустяку. Вы что, хотите, чтобы все знали о наших позорных делах? Как же тогда наши холостяки в деревне смогут найти себе жен? Если это распространится, какая деревня захочет отдать своих дочерей замуж в нашу? Держите рот на замке, и если хоть один слух просочится, берегите свои шкуры.

Жители деревни только сейчас вспомнили об этом, покорно замолчали и пошли за главой деревни за её пределы, взяв с собой факелы. Вдруг они не догонят на въезде в деревню, тогда придется идти в город ночью, а путь еще далек.

Всю дорогу царила тишина, только треск факелов, беспорядочные шаги и изредка тяжелое дыхание, конечно, не обошлось без слезливого плача Ли Чуньхуа.

— Что происходит?

Дом Бай Ломэя находился на пути из деревни, и Ли Чуньхуа с группой приближались, так что Бай Ломэй издали заметил свет. Руководствуясь принципом, что любая беда в деревне ему на радость, он взял кувшин сливового вина, прислонился к забору и ждал, пока факельная процессия подойдет, не забывая поддразнить Шэнь Су:

— Динъань, не торопись, ты можешь медленно обдумать следующий шаг, я пока посмотрю на это зрелище, чтобы запить вином.

Шэнь Су даже не поднял головы.

Когда люди подошли ближе, и стало возможно разглядеть их лица, Бай Ломэй окликнул:

— Глава деревни, куда это вы направляетесь? К кому-то ловить прелюбодеев? Неужели это требует личного участия главы деревни? Неужели это какой-то дядюшка? Ха-ха-ха...

Бай Ломэй всегда был «подхалимом» Шэнь Су, это было общепризнанно в деревне. Если кто-то обижал Шэнь Су, он автоматически обижал и Бай Ломэя. Его насмешки не удивили главу деревни. Однако странно, что Шэнь Су сбежал, а Бай Ломэй остался. Возможно, он вернулся за вещами, просто делает вид. Если следить за Бай Ломэем, можно найти Шэнь Су.

— Шэнь Су бросил свою мать и сбежал, это огромное неблагодарие. В деревне есть правила, таких неблагодарных нужно поймать и наказать по деревенским законам. Ломэй, скажи честно, куда ушел Шэнь Су?

Ли Чуньхуа выступила вперед, плача:

— Ломэй, Су всегда был тебе ближе всех, ты не должен помогать ему в этом неблагодарном поступке — бросать старую мать. Скажи мне, куда Су убежал, я пойду и найду его.

Шэнь Су встал и молча появился позади Бай Ломэя, его черные блестящие глаза смотрели на Ли Чуньхуа, главу деревни и всех, кто стоял за ними. В его глазах отражались факелы, словно в них горели два костра.

Глава деревни и жители были ошеломлены. Разве не говорили, что Шэнь Су не содержал свою мать и сбежал ночью? Но вот он, прямо здесь. Кто-то поднес факел ближе, и на земле увидели полузаконченную шахматную партию. Черт возьми, это была игра вслепую, поэтому они не зажигали свет, вот почему во дворе было темно.

Какая неловкость!

Как только Шэнь Су двинулся, Бай Ломэй схватил его. Шэнь Су улыбнулся ему, словно давая последние наставления:

— Извини, деньги за свинью я не верну. У меня есть целая комната книг, продай их, это будет плата за свинью.

— Что за глупости, — нахмурился Бай Ломэй.

Глава деревни, Ли Чуньхуа и жители словно окаменели, просто смотрели на Шэнь Су и Бай Ломэя, слышали их слова, но не воспринимали.

Шэнь Су улыбнулся и сказал:

— И мой дом, он не должен достаться деревне, он твой. Документы на землю спрятаны там, где я тебе говорил. Кстати, деньги от продажи земли Лю Худа и документы лежат в одном месте. Все это твое, в уплату за те деньги, которые моя мать у тебя выманила.

Бай Ломэй хотел возразить.

Шэнь Су сказал:

— Я знаю, сколько денег у нас дома. Я вижу, как ты живешь. Даже если бы я не видел, голос Третьей тётушки Ван всегда доносится до меня.

Он говорил о родственнице Бай Ломэя, Третьей тётушке Ван, которая всегда искала выгоду. Когда родители Бай Ломэя умерли, она разграбила их дом, не оставив даже досок от кровати, что стало позором для всей деревни.

— Динъань... — у Бай Ломэя возникло плохое предчувствие.

Шэнь Су похлопал его по плечу и, под странными взглядами главы деревни и жителей, подошел к Ли Чуньхуа, взял ее за руку и сказал:

— Мама, пойдем домой.

Ли Чуньхуа сначала удивилась, затем обрадовалась. Шэнь Су, наверное, поддался давлению и осознал, что был неблагодарен, наконец решил слушаться ее и не ехать в город. Она была вне себя от радости, вытирая слезы и крепко держа руку Шэнь Су:

— Хорошо, пойдем домой, пойдем домой.

Шэнь Су обернулся и улыбнулся встревоженному Бай Ломэю, затем пошел с Ли Чуньхуа.

Бай Ломэй с раздражением посмотрел на главу деревни и жителей:

— Что? Все еще собираетесь ловить прелюбодеев? Идите скорее, скоро рассвет, и неизвестно, кто к кому пойдет ловить...

Глава деревни и жители ненавидели Ли Чуньхуа. Шэнь Су и так их не жаловал, а теперь она еще и вонзила нож в спину. Теперь точно ничего не исправить, они понуро разошлись. Некоторые глупцы даже радостно говорили, что Шэнь Су пошел с Ли Чуньхуа, выглядел недовольным, значит, в деревне не будет недостатка в учителях.

Глава деревни мрачно усмехнулся и решительно пошел спать с женой, больше не обращая внимания на шум. Это было просто больно.

А Ли Чуньхуа, радостная, потащила Шэнь Су домой, собираясь использовать его почтительность, чтобы прочитать ему нотацию, чтобы утром он не передумал и не поехал в город. Но не успела она заговорить, как Шэнь Су начал отдавать приказы, велел ей перенести все угли, заготовленные на зиму, в его комнату, сам занялся заколачиванием всех щелей, оставив только дверь для входа. Затем они вместе перенесли угли, заполнив все свободное место в его спальне, даже под кроватью.

— Су, что ты делаешь? — Ли Чуньхуа, которую Шэнь Су усадил на кровать, потирая уставшие руки, не могла не спросить, так как все это было очень странно.

Шэнь Су сказал:

— Мама, посиди, я скоро вернусь, принесу тебе что-нибудь поесть. Уже поздно, ты весь день ничего не ела, наверное, голодна.

Ли Чуньхуа обрадовалась:

— Ты разбираешься в готовке? Лучше я сама пойду.

— Разогнуть смогу. Мама, ты целый день устала, отдохни, — Шэнь Су, не дожидаясь ее реакции, вышел. Он немного разжег огонь в печи, затем вытащил горячие угли и палки, положил их в большой железный котел, который раньше использовали для забоя свиней, взял несколько булочек с печи, бросил их в котел и понес его в свою спальню.

Да, когда он увидел Ли Чуньхуа, главу деревни и жителей у дома Бай Ломэя, он уже решил убить Ли Чуньхуа и себя. Поэтому его слова Бай Ломэю были прощальными.

В прошлой жизни был бедный чиновник, которому зимой не хватало угля, и он заколотил все вентиляционные отверстия, а затем сжег уголь и больше не проснулся. Тогда это вызвало большой резонанс, чиновник, у которого не было денег на отопление, задохнулся. Люди не знали, винить ли чиновника, который, будучи ученым, не знал элементарных вещей, или правительство, которое не могло обеспечить своих чиновников. В общем, это вызвало большой шум.

Шэнь Су тогда и вспомнил этот метод. Честно говоря, он не хотел умирать, но если Ли Чуньхуа не проявит гибкости, он не станет цепляться за жизнь. Прожив еще одну жизнь, хотя он и не отплатил Бай Ломэю, но, освободив его от своего бремени, Бай Ломэй сможет жить счастливо. Возможно, так будет лучше.

С трудом перенеся котел в спальню, Шэнь Су поставил его у двери. Ли Чуньхуа испугалась, быстро подошла помочь:

— Что случилось? Зачем ты принес котел?

С трудом подняв котел, они занесли его внутрь и поставили. Шэнь Су указал на булочки в котле:

— Принес, чтобы поджарить их. На печи поджарил, а принести боялся, что остынут.

— Мой глупый сын, сейчас какое время года, разве может быть холодно? Ты только что закрыл

дверь, а мне уже душно. А если ты еще и котел поставишь, то совсем задохнемся.

<http://bllate.org/book/16447/1491310>